

Е.И.НЕСТЕРОВА

Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.)*

Рассматривается не получившая достаточного освещения в отечественной историографии тема создания системы управления китайским населением, проживавшим на территории Приамурского генерал-губернаторства в последней четверти XIX в.

The System to govern Chinese population in Priamurski Territory (1884–1897). E.I.NESTEROVA (Far Eastern Technical State University, Vladivostok).

The paper analyses history of forming system to govern Chinese population in Priamurski Territory Governorship-General in last quarter of 19th century. This system had not get enough research in Russian Historiography before.

Во второй половине XIX в. наблюдался стремительный рост численности китайских мигрантов на территории русского Дальнего Востока. Так, если в 1858–1860 гг. на территории Приморской и Амурской областей находилось около 6 300 оседлых и 2–3 тыс. бродячих китайцев (не считая зазейских маньчжур), то к 1881 г. их количество достигло 15 тыс. с лишним [4, с.38]. Тем не менее в период нахождения территории Приамурья в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства русская администрация не смогла реализовать комплекс мер, обеспечивавших эффективный контроль и управление этой группой населения. С образованием Приамурского генерал-губернаторства и назначением главой края А.Н.Корфа начинается новый этап в деле создания системы управления китайским населением. Первым шагом стала сделанная Корфом попытка введения билетной системы учета количества китайцев, находившихся на русской территории, разработанная генерал-майором Барановым. В 1884 г. были приняты временные правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов. В соответствии с этими правилами все китайцы были разделены на 2 категории: те, кто проживал до 1860 г. в Приамурье, и остальные. Представители 1-й категории получали бессрочные

НЕСТЕРОВА Елена Ивановна — аспирант кафедры истории отечества (Дальневосточный государственный технический университет, Владивосток).

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РФ.

билеты, уплачивая лишь гербовый сбор. Китайцам, отнесенным ко 2-й категории, разрешалось переходить границу лишь в специально отведенных местах, где находился офицер, визировавший китайские паспорта. С момента получения визы, за которую взимался сбор (30 коп.), разрешалось проживать в крае в течение месяца, но по истечении этого срока необходимо было взять русский билет (1 руб. 20 коп.). За просрочку взимался штраф, а безбилетные китайцы высылались на родину (Архив внешней политики российской империи, далее — АВПРИ. Ф.148, Тихоокеанский стол, оп.487, д.751, л.3, 19).

В 1885 г. эти правила были введены в действие — с 1 мая в Приморской области, а затем в Амурской (01.08.1886 г.). Спустя несколько лет после введения этих мер было получено одобрение правительства — высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 17.05.1888 г. подтверждено право генерал-губернатора устанавливать такого рода сборы. Срок действия этого решения неоднократно пролонгировался — 22.03.1899 г. срок продлили на три года до 17.05.1901 г., 4.05.1901 г. — до 17.05.1902 г. (РГИАДВ. Ф.702, оп.1, д.339, л.109, 109 об.). О введении русских билетов были извещены китайские власти. В послании гиринскому цзянь-цзюню (1884 г.) военный губернатор Приморской области писал: «Введение у нас строгой паспортной системы истекает не из желания тормозить переход к нам подданных Великой Дайцинской империи, а наоборот содействовать упрочению мирных и дружественных отношений с приграничной Маньчжурией и развитию пограничной торговли» (РГИАДВ. Ф.701, оп.1, д.233, л.106). Русская администрация считала, что найден универсальный способ, лишавший китайцев возможности, насколько это вообще реально, обходить закон, так как «вряд ли найдутся китайцы, которые будут настолько слепы, чтобы не видеть своей прямой выгоды. Честная и законная помощь и покровительство, оказываемые нашей администрацией китайцам, проживающим и торгующим у нас, более вселят в китайскую народность доверие к нам, что очень для нас важно. Невыясненностью положения объясняются многие некрасивые стороны деятельности китайцев у нас... Они и теперь смотрят на себя не только как на временных гостей наших, но еще и как на совершенно бесправных, судьба которых находится в зависимости от каприза первого встречного. В связи с этим нужно предоставить им одинаковые льготы, какими пользуются в России иностранцы» (РГИАДВ. Ф.701, оп.1, д.233, л.71–73). Однако, как показала дальнейшая практика, среди китайцев нашлись не только те, кто не увидел в билетах своего блага, но и те, кто открыл целые подпольные фабрики по их производству. Барон Корф, желая пресечь злоупотребления с билетами, в феврале 1886 г. отправил в Южно-Уссурийский край с инспекционной проверкой подполковника И.П.Надарова. Впоследствии экспедиции и рейды с целью проверки паспортов станут регулярными, но вместе с тем останутся малоэффективным средством контроля. Помимо того, что китайцы, мягко говоря, неохотно выбирали билеты, передавали их друг другу, что категорически запрещалось, низшие полицейские чины не гнушались злоупотреблениями. Зафиксированы случаи, когда русские чиновники собирали деньги, но билеты не выдавались, либо билеты уничтожались, и китайцы тут же становились безбилетными. Однако билетная система прижилась, и с 1 января 1890 г. бароном Корфом был введен дополнительный сбор (1 руб. 10 коп.) с китайцев и корейцев, взимавшийся при выдаче русского билета.

Параллельно с процессом подчинения китайского населения русскому законодательству шло дальнейшее знакомство русской власти с этой категорией населения. В августе 1885 г. Приамурский генерал-губернатор

дал задание чиновнику особых поручений Аносову, командированному в Сучанский округ, разработать положение о китайском населении в крае и способах управления им. Свои наблюдения Аносов обобщил в докладной записке «Об устройстве китайского населения», с которой барон Корф внимательно ознакомился. Изучив дела в канцелярии, Аносов пришел к выводу, что возникавшие недоразумения в отношении китайского населения были связаны не с особой враждебностью этой группы населения, в целом «весьма трудолюбивого и покорно подчиняющегося установленной законной власти», а с отсутствием определенности в его положении в крае [5, с.126]. В записке отмечалось, что незнание китайцами российских законов приводило к большинству экономических правонарушений. В связи с этим, по мнению автора записки, необходимо было как можно скорее издать правила, точно определявшие положение китайцев в крае. Разделив всех проживавших в крае китайцев на 6 разрядов, он предлагал разрешить пользоваться землей лишь принявшим русское подданство, либо проживавшим в крае до 1860 г. Несмотря на благосклонное отношение к проекту барона Корфа, внедрение в жизнь его положений шло очень медленно.

В 1886 г. китайский вопрос, или как тогда его называли «манзовский», обсуждался на Хабаровском съезде. Резюмируя все мнения, высказанные на съезде, генерал-губернатор А.Н.Корф подвел итог: «Китайцы, безусловно, признаются для края вредными в политическом и отчасти в экономическом отношении. Их можно лишь терпеть как неизбежное зло» [1, с.10]. Однако он отметил, что те, кто находился в крае до 1860 г., должны быть приравнены в правах к оседлым инородцам. Относительно остальных правительство оставляло за собой право выселять и переселять их, заблаговременно предупреждая об этом. На этом же съезде было рекомендовано принимать в русское подданство лишь тех китайцев, кто прожил в крае не менее 5 лет, обрезал косу и женился на русской [1, с.10, 11]. Таким образом, один из возможных вариантов — принятие китайцев в число русских подданных, и тем самым распространение на них действия русского права во всей полноте — был признан нежелательным по политическим мотивам. Однако законом от 17 мая 1888 г. сроком на 10 лет приамурскому генерал-губернатору было предоставлено право принимать китайцев и корейцев в русское подданство в пределах полномочий министра внутренних дел, что должно было значительно сократить канцелярскую волокиту. Но это не упростило ситуацию. В 1891 г. Корф докладывал министру внутренних дел, что он не может воспользоваться этим правом, так как у большинства отсутствуют необходимые документы, а у многих кроме свидетельств о крещении вообще нет документов (РГИАДВ. Ф.702, оп.1, д.158, л.1).

К концу 80-х годов стало очевидно, что назрела насущная необходимость создания более эффективной организации управления стремительно увеличивающимся китайским населением. Однако прежде предстояло выяснить правовой статус китайцев, находившихся на российской территории. В представлении приамурскому генерал-губернатору от 21 марта 1889 г. № 3565 военный губернатор Приморской области П.Ф.Унтербергер писал: «Скорейшее разрешение вопроса о том, какими правами должны пользоваться китайские подданные, живущие в наших пределах, существенно важно, во-первых, в том отношении, чтобы администрация твердо знала, чем руководствоваться в соответствующих случаях, во-вторых, в виду предупреждения больших беспорядков» (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.9 об., 10). Ситуация для местной администрации была доста-

точно сложной и запутанной. В трактатах, заключенных с Китаем, не было детальной регламентации того, какими правами могли пользоваться в России китайские подданные. Особую трудность в применении каких-либо мер в отношении китайцев создавало примечание к ст.172 Уложения о наказаниях 1866 г., гласившее: «китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, высылаются их правительству», зафиксировавшее особое положение китайцев среди иностранцев. Это положение было отменено высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 8 июня 1882 г., за которым последовало разъяснение министра юстиции: за преступления и проступки китайцы должны осуждаться как иностранцы по русским законам.

Такая формулировка запутала ситуацию еще больше. Несмотря на принятие в 1864 г. судебных уставов, вводивших в России бессловный суд, их действие не распространялось на Сибирь. Здесь суд оставался словным, и наказания за одни и те же проступки и преступления были неодинаковыми для представителей различных сословий. Для иностранцев, находившихся в России, существовали особые статьи закона, созданные, однако, в расчете на европейцев и описывавшие прецеденты, характерные для европейской России. В законах рассматривались ситуации, связанные либо с иностранцами-переселенцами (колонистами), либо с путешественниками. Ситуация же, сложившаяся в Приамурье, куда стекались тысячи китайских гастарбайтеров, была уникальной, не имевшей прецедентов в отечественной юриспруденции. В ряде случаев российские законы просто не работали. Как наказывать китайцев за многоженство, если на их родине оно разрешено законом? Как китаец мог доказать свое дворянство, если класса дворян, в европейском понимании, в Китае не существовало? Для русской администрации это были вопросы отнюдь не риторические, так как в зависимости от принадлежности человека к тому или иному сословию применялись разные меры наказания. Большинство же выходцев из Китая, если оперировать русскими юридическими категориями, относились к лицам сельского состояния. Русское сельское сословие имело право суда и дисциплинарной власти над своими членами, реализовывавшееся через волостные, сельские суды, сельские сходы, административные учреждения по крестьянским делам. Эти органы имели возможность отдать человека на общественные работы (до 6 дней), наложить денежное взыскание (до 3 руб.), присудить наказание розгами (до 20 ударов), арестовать (на период до 7 дней). Однако поручать судопроизводство над китайцами волостным судам было довольно затруднительно. Особенностью этих судов являлось то, что они стояли вне общей судебной системы, образовываясь в результате выборов лиц сельского состояния, т.е. выборные крестьяне судили членов своей общины. Поэтому рассмотрение волостными судами даже мелких правонарушений, совершенных китайцами, оказывалось невозможным.

В результате местные администраторы попали в ловушку — законы, регулировавшие положение иностранцев, не имели законодательного определения тех ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться на Дальнем Востоке, а применение к китайцам сельско-судебного устава противоречило остальным положениям закона об иностранцах. Была одна небольшая лазейка — применение в данном случае приложения V к ст.168 Уложения о наказаниях, которое позволяло всем кочевым и бродячим инородцам в определенных законом случаях (ст.168 Уложения о наказаниях) вершить суд, основываясь на собственных обычаях.

Но было одно «но», не позволявшее разрешить проблему и при помощи этой статьи закона. Китайцы — иностранные подданные, а ст.170 Уло-

жения гласила: «право всякого государства исключает действие в пределах его территории иноземного права — государственного или обычного». В результате местная администрация до прихода А.Н.Корфа сохраняла за китайцами право экстерриториальности. Корф вскоре после вступления в должность обратился к императору с просьбой предоставить ему право отдавать китайцев военно-полевому суду, наравне с русскими подданными. Кроме того, было объявлено, что если замешанный в преступлении китаец скроется от властей, то к ответственности будут привлечены все его соотечественники, проживавшие в данной местности. По распоряжению А.Н.Корфа фактически прекратилась высылка китайцев за границу, а дела с их участием стали приниматься к производству русскими судами (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.32, 32 об.).

Несмотря на невозможность разрешить проблему при помощи имевшихся законов, не нарушая какой-либо из них, введение управления китайским населением стало необходимостью. В связи с этим Приморский военный губернатор П.Ф.Унтербергер предложил китайскому населению г.Хабаровск избрать из своей среды старшину, переводчика и писаря. 15 февраля 1889 г. в Хабаровске состоялось собрание домовладельцев китайских подданных, на котором было заслушано предложение о выборе из своей среды старшины, в круг обязанностей которого предполагалось включить разбор споров и недоразумений, раскрытие преступлений, совершенных китайцами, исполнение и приведение в исполнение всех законных требований в отношении китайцев, поимку хунхузов, контроль за паспортным режимом. В приговоре схода было записано: «обсудив ... мы нашли единогласно, что старшина нам необходим» (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.6). Первым старшиной, избранным под непосредственным контролем русской администрации, стал Юнга, «человек весьма почтительный, отличной нравственности», проживавший в Хабаровске более 20 лет. Десять дней спустя состоялось общее собрание китайских подданных, в котором приняло участие 143 чел. (расчет по числу подписавших протокол), выбранных от каждого жилища. На этом собрании хабаровский полицмейстер предъявил предписание военного губернатора Приморской области от 24 февраля о выборе должностных лиц для общественного управления по заведованию китайским населением, а также довел до сведения решение первого собрания. Как и 15 февраля все предложения были приняты единогласно. В приговоре схода было отмечено, что китайцы обязываются «неукоснительно во всем подчиняться» избранным лицам и считают «обязательным для себя производить сбор с китайцев на содержание своего общественного управления». Был установлен механизм сбора и такса, которая колебалась от 5 руб. в месяц, взимаемых с купцов II гильдии, до 1 руб., уплачиваемых торговцами съестным и разносчиками. В решение был внесен, видимо не без участия русской администрации, пункт, запрещающий китайцам уезжать из города без ведома старшины, обязанного всю информацию о передвижении китайцев заносить в особую книгу и предоставлять сведения полиции (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.4, 4 об.).

Постановления двух собраний китайцев были утверждены П.Ф.Унтербергером. Затем он возбудил перед генерал-губернатором вопрос об издании особых правил, которыми бы регулировалась жизнь китайцев и корейцев. Корф согласился с его предложением и поручил Унтербергеру разработать такие правила, предписав взять в качестве образца правила общественного управления государственными крестьянами Восточной Сибири от 27 апреля 1882 г. 15 февраля 1891 г. особые правила об общественном управлении китайского и корейского населения были изданы. Так

был сделан первый шаг в направлении легализации на основе русского законодательства китайских форм общественного самоуправления. В п.1 правил оговаривалось, что «каждое отдельное китайское и корейское общество составляется из проживающих в известных городах и селениях Приморской области китайцев и корейцев, имеющих русские билеты на жительство. Все эти лица подчиняются российским государственным законам и властям и состоят под наблюдением местной полиции..., все законные требования которой китайскими и корейскими подданными и их общественными управлениями исполняются беспрекословно» (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.53).

Обязанности, которые вменялись обществам, были довольно обширны и заключались в поддержании жизнедеятельности общества (наем помещения для канцелярии, выплата жалования и т.п.); благотворительной деятельности (уплата за лечение в госпиталях, погребения умерших, призрение престарелых, дряхлых, увечных членов общества, оказание помощи в случае стихийных бедствий); обеспечение лояльности китайского населения.

Для членов общества вводился ценз: правом голоса пользовались лишь лица, имевшие недвижимость, торговлю, занимавшиеся «другого разного рода промыслами». Те китайцы, которые принадлежали к обществу и имели право голоса, могли участвовать в общественном сходе. Сход созывался полицией или старшиной, но в последнем случае было обязательным получение разрешения у полиции, кроме того, в течение трех дней после вынесения решения, оно должно было представляться на утверждение в полицию (п.7). Решения общественного схода имели силу лишь в том случае, если на нем присутствовали полицейский чиновник, старшина или его заместитель и не менее половины членов, имеющих право голоса (п.9).

В компетенцию общественного схода входил выбор должностных лиц, исключение из общества «вредных и порочных элементов», временное лишение права участвовать в сходе (до 1 года), составление ходатайств о нуждах общества, благоустройстве, призрении, обучении русской грамоте, назначение и проверка деятельности опекунов и попечителей, составление смет и распределение расходов на общественные нужды, определение размера вознаграждения должностных лиц (п.8).

Главным на общественном сходе являлся общественный старшина (п.6). Старшиной мог быть избран любой член общества не моложе 25 лет, имевший право голоса, не состоявший под следствием, судом и не имевший поражения в правах (п.45). Кандидатуры старшин после их избрания на должность подлежали обязательному утверждению полицмейстером и военным губернатором (п.47, 48). На старшин возлагалась ответственность за сохранение общественного порядка и спокойствие в пределах своих обществ. Им должны были подчиняться все члены общества. В компетенцию старшины входило наблюдение за своевременным обменом как русских, так и национальных письменных видов, задержание и передача полиции лиц, не имевших паспортов, а также бродяг, хунхузов. Старшина должен был знать, кто в каком доме жил, и доносить полиции обо всех прибывших — выбывших китайцах. Кроме того, он председательствовал на сходе и суде, объявлял членам общества все распоряжения русской администрации и следил за их исполнением. В круг его обязанностей входили профилактические меры по предотвращению всякого рода преступлений, задержание виновных и доставка их в полицию, забота о поддержании удовлетворительного санитарного состояния жилищ членов общества. На его плечи возлагалось приведение в исполнение приго-

воров и решений общественных сходов и суда, а также всех законных требований российской администрации (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58. л.56, 56 об.). Разумеется, что такой объем обязанностей, возложенный на одного человека, вряд ли был выполним. Однако, как отмечали представители русской администрации, со значительной их частью старшины справлялись вполне добросовестно. Кроме обязанностей перед русскими властями общественные старшины имели значительные права по сравнению с другими китайцами, фактически объем их полномочий был равен полномочиям волостных старшины. Им было дано право за маловажные проступки, совершенные китайцами, назначать виновников на общественные работы (до 3 дней), взимать с них денежные штрафы в пользу общества (до 3 руб.), брать под арест (не более 2 дней) (п.18). Для разбора более сложных дел военным губернатором учреждался общественный суд, состоявший из выборных судей. Суд имел полномочия рассматривать маловажные проступки членов общества, при этом ему не запрещалось рассматривать иски посторонних, против которых были совершены проступки китайцами. Кроме того, суд окончательно решал все имущественные споры и тяжбы между членами общества стоимостью до 100 руб. и иски любой стоимости по взаимному согласию сторон. Интересен п.36, разъяснявший, какими принципами должны руководствоваться судьи. Во-первых, стремиться к заключению мирового соглашения. Если это не удастся, «то суд решает дело на основании имеющихся доказательств, а за неимением таковых, по собственному убеждению судей, придерживаясь русских законов». Не совсем понятно, как китайцы, зачастую плохо говорившие по-русски, могли руководствоваться русским законодательством, но этот вопрос оставался без комментариев.

Итак, правила, хотя и несовершенные, уже фактом своего появления отчасти нарушавшие законодательство, были введены в Приморской области. Благодаря этому русские власти получили то, в чем давно нуждались, — механизм связи с жившим в Приморской области китайским населением, возможность доводить до него свои решения и, если не реально управлять им, то, по крайней мере, быть в курсе того, чем жила китайская община. Особенностью этих правил было то, что они создавались русской администрацией, поэтому в них нашли свое отражение те ситуации, отсутствие регламентации которых причиняло ей массу хлопот и недоразумений. В правилах ясно зафиксировано желание русской администрации установить свой контроль над этим населением: все значимые шаги могли предприниматься либо с ведома администрации или полиции, либо при непосредственном участии ее представителей. Важно отметить, что этими правилами русской администрацией не просто легализован существовавший обычай выбора старшин, а даны выборное общественное управление и суд с правами, соответствовавшими законным полномочиям сельского и волостного управления крестьян, т.е. в основу были положены принципы русского права и судопроизводства (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.190, л.21, 21 об.).

По свидетельству П.Ф.Унтербергера, создание китайских и корейских обществ не было самоцелью. По сравнению с положением русских крестьянских обществ права китайских и корейских были значительно сокращены, все поставлено под контроль полиции, а обязанности увеличены. Это делалось с единственной целью — взять под контроль китайское население и получить возможность сбора налогов (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.52).

К сожалению, пока не удалось установить, кто был избран первым владивостокским старшиной, возможно, это Тан-юн-джи Катчан, изби-

равшийся главой общества в 1892 и 1893 гг. (РГИАДВ. Ф.1, оп.1, д.1317, л.2). Чиновник особых поручений К.Лакшевиц, руководивший проверкой китайских и корейских общественных управлений во Владивостоке летом 1893 г., отмечал, что число участников общественного схода насчитывало 120–130 чел. Судьи за все время существования общества, согласно официальной отчетности, действовали лишь однажды, да и то по предложению полиции. В рапорте Лакшевица зафиксированы основные источники существования общества. Максимальный доход приносили сборы за выдачу удостоверений о неимении препятствий для выезда за границу — с каждого отъезжающего взималось 2 руб. 5 коп. По этой статье в 1891 г. общество получило 4 208 руб. 65 коп., в 1892 г. — 5 793 руб. 30 коп., (следовательно, разрешения получили в первом случае — 2 053 чел. и во втором — 2 826). Однако эта статья доходов имела сезонный характер, зимой основным источником существования общества оставались сборы с купцов. С каждого купца I или II гильдии взималось 2 руб. в месяц, а с мелких торговцев — по 1 руб. Кроме того, китайское общество приняло решение взимать сборы с каждого китайского судна, с каждой тонны ввозимого (вывозимого) китайскими купцами груза, с покупателей женьшеня и пантов, с удостоверений на получение русских паспортов и т.д. (РГИАДВ. Ф.1, оп.1, д.1317, л.3 об., 6). Таким образом, обществом собиралась достаточно большая сумма, которую оно могло тратить по своему усмотрению на общественные нужды, но, по свидетельству Лакшевица, основные расходы приходились на заработную плату. Китайские управления были созданы в Хабаровске, Владивостоке, Никольске–Уссурийском. Подводя итоги трехлетнего существования обществ, местные администраторы отмечали, что эти общества облегчили надзор со стороны полиции за массой китайского и корейского населения. Общественные управления взяли на себя взимание сборов, меньше людей от них уклонялось, легче стало привлекать китайцев к общественным работам. Во время холеры во Владивостоке в 1890 г. китайским общественным управлением по первому требованию администрации были построены бараки. Тогда же был создан отряд китайских носильщиков, вывозивших умерших (обычно на эту работу невозможно было нанять ни русских, ни китайских рабочих). Помощь при формировании этого отряда оказало китайское общество, назначившее китайцев по наряду. В 1893 г. китайское общество обязалось в случае холеры принять на себя одну треть всех расходов по борьбе с эпидемией (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.50, 50 об.).

В 1893 г. на должность Приамурского генерал–губернатора был назначен С.М.Духовской, и отношение высшей местной администрации к национальным обществам начало меняться. Духовской считал, что в виду принимаемых в последнее время мер по увеличению русского населения в крае и в надежде на развитие местной жизни «сама собою приближается возможность подчинить проживающих у нас китайцев и корейцев общему полицейскому надзору и общим законам об иностранцах». Несмотря на то, что администрацией был взят курс на закрытие обществ, действие правил продлили на некоторое время, предписав при этом в январе 1894 г. переименовать все общества в участки (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.74 об.).

Со временем в судебной практике возник целый ряд дел по обвинению как выборных представителей китайского общества, так и членов этого общества. Прокурор обратился за инструкциями к министру юстиции. Выяснилось, что правила изданы без высочайшего соизволения и не имеют силы закона. Это дало С.М.Духовскому дополнительные аргументы против китайского общества, признав его существование «ненормальным,

несогласованным с законом Российской Империи и вредным в административном и политическом отношении», в связи с чем ходатайство об утверждении положения о китайских обществах в законодательном порядке не было возбуждено (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.190, л.21 об., 22).

С введением в Приамурье судебных установлений в 1897 г. было окончательно решено упразднить китайские общества. Однако необходимо было решить вопрос о том, за счет каких поступлений должна была формироваться та часть бюджета, которую вносили китайские общества? Администрация столкнулась с финансовой проблемой. Например, при закрытии Хабаровского китайского управления администрации пришлось бы взять на себя часть расходов по содержанию полиции, переводчиков, рассыльных и пр., которую финансировало китайское общество. Согласно смете эта сумма, включая расходы на благотворительность, составляла 7 750 руб.

В то же время для практической работы опыт Приморской области оказался интересным и полезным. В самый разгар подготовки канцелярией приамурского генерал-губернатора закрытия в области китайских управлений военный губернатор Амурской области Грибский в 1897 г. создал комиссию для обсуждения вопроса об организации в Благовещенске китайского общества. Комиссией был подготовлен проект создания китайских управлений в Амурской области. Необходимость введения управлений мотивировалась тем, что многие вопросы регламентации быта и жизни китайцев можно было решить, лишь имея китайскую администрацию, которая, «ведая своими соотечественниками, несла бы вместе с тем ответственность за нарушение ими санитарных и паспортных правил...». Военный губернатор приводил в пример ряд ситуаций, связанных с китайцами, в разрешении которых русская администрация была бессильна. Одна из них — сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка в городе. Из-за угрозы сыпного тифа и чумы городская Дума неоднократно принимала решения о переселении китайцев в отдельные кварталы, однако, не имея механизмов реализации, эти постановления так и оставались на бумаге. Ответ, полученный из Хабаровска, мало помогал в решении проблем. Приамурский генерал-губернатор признавал нежелательным открытие китайских управлений в Благовещенске «как противоречащих текущим мероприятиям высшей администрации Края», но обнадеживал, что в ближайшем будущем, возможно, будет увеличен штат городской полиции (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.58, л.102, 102 об.).

Таким образом, запрос местной администрации, по существу, предлагал ввести в русские официальные властные структуры уже сложившуюся и функционировавшую единицу — китайское общественное самоуправление. Это давало возможность еще раз зафиксировать подчиненность китайского населения русской власти, улучшить контроль над этим населением, получить постоянно действующий коммуникационный канал «русская администрация — китайское население». Запрос в конечном итоге предлагал несовершенный, но реальный механизм реализации постановлений местной администрации, связанных с китайским населением. Однако высшая местная администрация, переведя ответ в плоскость политической нецелесообразности, ликвидировала эту возможность. «Санкт Петербургские ведомости», оценивая историю существования китайских органов самоуправления, хотя и отмечали курьезность этого факта, но все же признавали: «.. без какого-нибудь специального органа справиться с толпой и содержать ее в порядке было бы невозможно, а так как [...] администрация призвана для того, чтобы удовлетворять требованиям минуты, то избранный способ был все-таки способ» [3].

В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что китайские общественные управления, существовавшие в разных городах, были закрыты одновременно в 1897 г. Однако, согласно документам, в Хабаровске китайское общество официально было закрыто 1 января 1898 г., но продолжало существовать тайно, управляясь своими старшинами (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.190, л.22). Во Владивостоке оно было закрыто 1 июля 1898 г. Дольше всего общество просуществовало в с.Никольское — до 1901 г., т. е. до того, как село превратилось в г. Никольск–Уссурийский. Это было связано с тем, что местное китайское общество несло существенные финансовые затраты на общественные нужды, которые не могли быть компенсированы другим путем. Например, в 1897 г. половина всего штата полиции Никольска–Уссурийского содержалась на средства китайского общества.

Так закончился этот этап формирования системы управления китайским населением Приамурья. Русская администрация сделала попытку не просто легализации неофициально существовавших китайских объединений, а организации китайских учреждений на основе русского законодательства. Основной целью администрации было создание механизма связи с китайскими общинами на территории края, подчинение их своему контролю и надзору, так как существовавший до образования обществ полицейский контроль был малоэффективен.

Хотелось бы отметить, что в странах, столкнувшихся с проблемой китайских мигрантов, были выработаны, по сути, две основные модели взаимодействия государственной власти с этой группой населения. Первая, условно ее можно назвать американская (по стране возникновения), связана с достаточно жесткой стратегией ограничения количества китайских мигрантов, с применением как политических, так и экономических мер, нередко носивших расистский характер, направленных на вытеснение этой группы населения за пределы данного государства. Этот тип был характерен для молодых государств — США, Австралии, Канады. Первый закон, ограничивавший китайскую иммиграцию, был принят в США в штате Виктория в 1855 г. С этого времени и на протяжении более полувека в США была издана целая серия антикитайских законов. Апогеем законотворческой деятельности стало принятие в 1902 г. закона, запрещавшего иммиграцию для любого китайца.

Второй вариант, голландскую модель, мы можем наблюдать на примере Нидерландской Индии. Она связана со стратегией передачи части властных полномочий непосредственно объекту управления — китайской общине. Уже в первой половине XVII в. первый генерал–губернатор Нидерландской Индии Ян Питерсон Коэн положил начало системе управления китайцами, которая просуществовала почти без изменений около 300 лет. В 1620 г. в Батавии им была создана так называемая «Китайская гражданская служба», представлявшая собой систему должностных лиц, которые помогали голландцам в управлении китайскими общинами. В каждой китайской общине был назначен «капитан», которому были предоставлены власть и право решения незначительных гражданских и уголовных дел. Дела более важные находились в ведении голландского правосудия и рассматривались в так называемом суде юстиции «Raad van Justitie». В 1740 г. приказом генерал–губернатора было подтверждено право китайского «капитана» самому решать в «Китайском суде» (Chineeshe Raad) гражданские и уголовные дела небольшой важности. «Китайский суд» также фиксировал случаи рождений, смертей и браков у китайцев [2, с.95, 96]. Таким образом, в рамках этой модели шло закрепление ситуации параллельного сосуществования двух инуюльтурных миров при от-

носителем невмешательства европейцев в повседневную жизнь китайской общины.

Анализ истории развития отношений между русской администрацией и китайскими общинами во второй половине XIX в. показывает существование тенденций к реализации обеих моделей при доминировании, вплоть до прихода С.М.Духовского, голландской, правда, в более жестком, чем классический, варианте. Особенностью этого периода явилось то, что реформы, проводимые русской администрацией, коснулись прежде всего населения крупных административных центров. Китайцы из отдаленных и труднодоступных мест продолжали жить по своим законам. После закрытия общественных управлений в городах эти управления «продолжали существовать тайно, причем старшины их творили среди китайцев суд и расправу, нередко даже кровавую» (РГИАДВ. Ф.702, оп.3, д.479, л.2 об.). Начало следующего этапа взаимодействия русской администрации с китайцами, на наш взгляд, ознаменовано открытием в Приамурье китайских торговых обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.С.Ш. На Хабаровском съезде // Восточное обозрение. 1886. № 30. С.9–11.
2. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX–начала XX века: Дис. ... к. и. н. М., 1975. 226 с.
3. Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 41.
4. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) М.: Наука, 1989. 127 с.
5. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец 19–начало 20 века): Дис. ... к. и. н. Омск, 1998. 255 с.